

А
Анна Константиновна Черткова. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом

Date: 2 августа 2009

Изд: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х томах, М., "Художественная литература", 1978

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

А. К. ЧЕРТКОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Л. Н. ТОЛСТОМ

I

Зимой 1886 года (в половине декабря) мы с Владимиром Григорьевичем выехали из деревни Воронежской губ. в Петербург и по дороге решили остановиться в Москве. Лишь только мы приехали в меблированные комнаты (на Страстном бульваре), как явился Лев Николаевич и настоятельно просил переехать к ним в дом ввиду имевшейся свободной комнаты, так как "дочь Маша уехала" (не помню куда).

Итак, мы очутились у Толстых, в Хамовническом доме. Нас провел в комнату Марин Львовны сам Лев Николаевич. Никого из женского персонала я при этом не помню, -- вероятно, Софья Андреевна еще спала, а Татьяна Львовна была, кажется, на уроке в школе живописи и рисования.

Прямо из залы по узкому коридорчику -- дверь налево. Это и есть комната Марии Львовны, длинная, узкая, с низким потолком, с провисшей на нем посредине матицей. (Все время, пока мы там находились, меня не покидал страх, что потолок провалится и нас задавит.) Дом, вообще, производил впечатление очень ветхого и давно не отремонтированного.

Мы прогостили у Толстых около недели, и это пребывание оставило во мне самое светлое воспоминание.

Самым ярким моментом стоит в памяти тот день, когда меня, захворавшую моим обычным припадком катара желудка и оставшуюся в постели весь день, посетил Лев Николаевич и просидел у меня довольно долго, наверное, более часу. Это было днем, во время завтрака (который подавался поздно), я не выходила из своей комнаты, а Владимир Григорьевич ушел в город. Возможно, что была дурная погода и Лев Николаевич не выходил гулять.

Вот кто-то постучал в дверь... и вошел Лев Николаевич, неся в руках большую пачку корректур. Осведомившись кратко о моем здоровье, он, помнится, сказал что-то вроде: "Я не завтракаю и этот час, а хотелось посидеть с вами, пока вы одни, чтобы вы не скучали без мужа..." И он присаживается на стул около моей постели.

Я обращаю внимание на кучу корректур, которые он держит на коленях.

-- Да, вот только что принесли из типографии... И я шел к вам, собственно, с тем, чтобы предложить вам почитать, если вам не скучно послушать... Это все то же -- драма моя¹, все еще балуюсь, никак не разделаюсь с ней... Вы ведь знаете, что господа литераторы и театралы забраковали одно действие?

-- Да, да, -- говорю, -- четвертое, знаю...

-- Ну да, нашли, что слишком грубо, слишком по нервам бьет... Ну что ж, может, кто и правда... Так вот я думал, думал, чем бы заменить помягче, чтоб не так шокировать их деликатные нервы... ну, и увлекся... Вспомнил тип отставного солдата, забавный был такой старик!² Да вот лучше послушайте. А корректура, кстати, чистая, вряд ли что придется исправлять.

И он стал раскладывать корректуры на столике возле меня.

Помолчав немного и усевшись поудобней, он начал читать... Боже мой, как он читал! Никогда я не слышала такого чтеца вообще, а этой вещи в особенности. Да нет, он не читал ее, а изображал, переживал, с увлечением входя в роль каждого лица... Я совсем забылась -- где я, что я! Перед глазами так и оживали эти удивительные типы Митрича и Анютки. И Митрич говорит так естественно, грубоватым охрипшим голосом привыкшего выпивать солдата, и Анютка щебечет, как настоящая живая деревенская девчонка. А это ее прелестное "однова дыхнуть" произносилось как-то удивительно ловко, шепотком, с прихлебкой,

А